

Глава 9

— Занимайте свои места!

— громко возгласил евнух, и чиновники поднялись, чтобы войти в банкетный зал.

Ин Фушэн, ведомый дворцовыми служителями, проследовал в зону рассадки, где его ждал недавно установленный стол для принцев.

Чиновники поклонились в знак приветствия. Когда Ин Фушэн склонился, сквозь пальцы он мельком заметил далёкую фигуру.

Когда знакомая фигура явилась под императорской короной, острые брови и пронзительные глаза императора хранили непроницаемое выражение. Его лицо — моложе, чем на поздних портретах, — всё ещё дышало неоспоримой властью. Запах недавнего кровопролития ещё витал вокруг него, и когда его взгляд скользнул по собравшимся, толпа вокруг мгновенно притихла.

Евнухи следовали за императором, почтительно опустив головы, пока он не поднялся на возвышение. Нефритовые подвески его короны тихо звякнули, когда он обвёл взглядом чиновников внизу. Без единого слова подавляющая мощь верховного правителя уже заполнила весь Павильон Любования Луной.

Косой взгляд императора пробежал по гражданским и военным чиновникам в зале и наконец остановился на главном месте воинской части. Там сидел недавно вернувшийся генерал Северного гарнизона Ци Шэнь. Сняв свои тёмные доспехи, Ци Шэнь всё равно хранил напряжение, чуждое обычным людям, — словно свернувшийся волк, готовый нанести удар в любой миг.

Позади него стояла группа военачальников.

Семья Ци — правая рука и преданные помощники императора в многолетних походах — внесла огромный вклад в триумфальное возвращение государя ко двору. Им была дарована особая привилегия разместить войско семьи Ци на окраинах столицы.

Одним своим присутствием они внушали трепет многим гражданским сановникам.

— Брат Ци, — произнёс император с тёплой улыбкой.

Ци Шэнь шагнул вперёд — стремительно, с прямой спиной — и поклонился перед троном:

— Ваше Величество.

Лицо императора выражало удовлетворение; его косой взгляд скользнул дальше, за Ци Шэня.

За высокими, крепкими военными офицерами следовал молодой человек. Он держался наравне со старшими и кланялся вместе с отцом — с той же чёткой расторопностью, свойственной военным людям.

Генералы семьи Ци стояли незыблемой твердыней, приковывая к себе взгляды всех сановников на банкете. Когда Ин Фушэн поднял глаза, перед ним предстали эти грозные воины, особенно вожди клана Ци. Он задумчиво опустил взор и, почувствовав на себе испытующие взгляды, склонил голову, уклоняясь от этих острых, волчьих глаз.

— Сегодня мы празднуем вместе, как государь и подданные. Излишние формальности ни к чему — прошу, занимайте свои места, — объявил император.

С этими немногими словами заслуженные министры вознесли хвалу императорской милости, и все чиновники хором произнесли поздравления.

Ин Фушэн собрался с мыслями, вокруг него поднимались волны славословий. Несмотря на годы, проведённые в походах, власть императора по возвращении ничуть не уменьшилась.

В юности император расширил пределы державы мечом, правя с решительной беспощадностью и умной стратегией, сочетая милость и строгость, чтобы создать десятилетие процветания для Великой Юань. Даже сейчас — будь то гражданские или военные чиновники — одного его слова было достаточно, чтобы успокоить смятённые сердца собравшихся сановников.

Это был его отец, император.

Ин Фушэн держался позади остальных принцев. Когда он поднял голову, он уловил проблеск той величественной и торжественной фигуры на высоком троне. В последний раз, когда он видел отца в прошлой жизни, император был в ярости. Его последним воспоминанием об этом человеке остались глаза, наполненные глубоким разочарованием. Без лишних слов он приказал запереть Ин Фушэна в Холодном дворце до самой своей кончины.

Подавив тяжёлые мысли, Ин Фушэн последовал за служителями к своему месту.

Император занял трон, грянули музыка и танцы, и банкет открылся.

На возвышении император повернулся к императрице Сюй и завёл с ней беседу. Тёплая атмосфера между ними привлекла множество взглядов к столу принцев.

Особенно к месту Наследного принца; а приглядевшись, гости заметили ещё одно сиденье среди принцев.

— Кто это?

— Шестой принц.

На банкете многие взгляды обратились к Ин Фушэну.

Шестой принц был рождён благородной наложницей Нин. Много лет назад семья Нин совершила преступления и утратила доверие императора. Лишь в последние годы они постепенно возвращали благосклонность, и господин Нин, маневрируя долгое время, дослужился до заместителя министра.

Во дворце благородная наложница Нин вела себя кротко и сдержанно, во всех делах избегая внимания, чем снискала прекрасную репутацию. Шестой же принц не блистал успехами в учёбе и обладал слабым здоровьем, отчего оставался едва заметным среди принцев и принцесс. Обычно он редко посещал дворцовые банкеты, так что многие из присутствующих впервые видели принца, долгое время прикованного к постели болезнью, чем и объяснялось обилие любопытных взоров.

Его место за столом принцев сегодня было определено особым указом Вдовствующей императрицы, и оно располагалось сразу за местом Наследного принца.

Заметив, сколько глаз устремлено на неё и на Ин Фушэна, тревога благородной наложницы Нин переросла в негодование. Если бы только этот маленький ублюдок не появился, не было бы всех этих проблем.

Сегодня здесь собрались все высшие сановники двора — редкое собрание. Любое изменение за столом принцев, сколь бы малым оно ни было, не ускользнуло бы от этих старых лис.

Юный Наследный принц был исключительно талантлив, а императрица происходила из семьи Сюй. Император, разумеется, высоко ценил его. Что же до Шестого принца... сановники скользнули взглядами по столу принцев, каждый погружённый в свои мысли.

Лишь когда музыка и танцы достигли наивысшего накала, все постепенно отдались наслаждению пира.

После торжественного шествия весь двор праздновал, а затем настало время поднесения даров.

Поднесение даров было ключевым событием этого державного торжества, и банкет в честь дня рождения Вдовствующей императрицы считался наивысшим приоритетом.

Императорский клан и высшие чиновники давно подготовили поздравительные дары, и это подношение являлось важнейшей частью пира. Поскольку нынешний император два года

отсутствовал в походе и вернулся на этот раз, чтобы очистить двор, его благоволение к военным чиновникам было очевидным. Дары от крупных аристократических семейств, номинально предназначенные для Вдовствующей императрицы, на самом деле через неё выражали их позицию по отношению к императорскому дому.

Евнух зачитывал дары от великих кланов и сановников. Император с возвышения лишь бросал на них беглый взгляд и говорил мало, изредка задавая несколько вопросов, касавшихся Вдовствующей императрицы.

За столом принцев у каждого были свои мысли.

Не считая Четвёртого принца, умершего в юности, у императора было лишь трое старших сыновей, все из которых уже учредили резиденции за пределами дворца и были отправлены набираться опыта при дворе. Кроме Третьего принца, ещё не явившегося на службу, остальные двое кое-чего достигли: Первый принц служил в Министерстве доходов, Второй — в Министерстве работ, и у каждого имелись свои планы.

Как старший сын императора, Первый принц обладал особым положением. Он выступил вперёд первым, преподнеся несколько весомых даров, среди которых было оружие, выкованное из тысячелетней чёрной стали.

Великая Юань превыше всего ценила воинскую доблесть, а Вдовствующая императрица происходила из военной семьи. Во дворце имелись даже императорские зверинцы и тренировочные площадки. Изысканное оружие, представленное собравшимся, заслужило похвалу каждого присутствующего военного. Более того, оно было создано специально для Вдовствующей императрицы — тот самый мягкий меч, который она предпочитала в молодые годы.

После этого дары Второго и Третьего принцев не представляли собой ничего примечательного.

Тут Восьмой принц, находившийся под опекой наложниц, рванулся вперёд. Он вышел в центр зала и учтиво поклонился:

— Отец, я тоже приготовил подарок для бабушки!

Брови императрицы Сюй дрогнули в оттенке беспомощности. Склонность Восьмого принца вести себя избалованно и надменно не была новостью, но вот так бросаться вперёд, преподнося дар раньше прочих, было довольно опрометчиво. Внесённый дар оказался чересчур крикливой колесницей для укрощения зверей.

Это был один из даров, приготовленных императрицей Сюй для Восьмого принца, и мальчик тщательно выбрал самый броский.

— Маленький Восьмой, его нрав ничуть не изменился, — произнёс император, и лицо его не дрогнуло. Он не стал винить Восьмого принца. Просто сидел там, и остальные невольно всматривались в его лицо, пытаясь разгадать настроение государя. Однако предпочтения императора оставались неясными; множество даров было уже преподнесено, но он не проявлял особых чувств.

Наследный принц держался подобающе, не выказывая раздражения оттого, что его очередь была нарушена. Он смотрел на Восьмого принца с видимой мягкостью, но в его глазах мелькнуло облегчение: «К счастью, я заранее сменил свой дар».

По статусу Наследного принца его место находилось во главе стола, рядом с остальными принцами.

После того как Восьмой принц преподнёс свой дар, Наследный принц первым заговорил от его имени:

— Восьмой брат невинен по натуре и вложил немало усилий в выбор подарка.

И действительно, в этот момент император взглянул на Наследного принца.

Наследный принц пользовался глубокой благосклонностью императора. Он рано проявил талант, заслужил неизменные похвалы Великого наставника и был утверждён наследником Восточного дворца в самом юном возрасте, обладая особым положением.

— Наследный принц заметно вырос, — заметил император. По возвращении в столицу он слышал множество похвал Наследному принцу. Не видев мальчика некоторое время, теперь, глядя на него, он и впрямь производил впечатление.

Вдовствующая императрица улыбнулась и тоже несколько раз похвалила Наследного принца. Держа чашу с водой, она упомянула недавние обстоятельства нескольких принцев. Когда её взгляд скользнул по столу принцев и задержался на Ин Фушэне, сидевшем прямо, она заметила:

— Маленький Шестой тоже неплох.

Император скользнул взглядом по хрупкой фигуре в конце стола принцев и признал слова Вдовствующей императрицы, но большого интереса не выказал.

В безмолвном взгляде Наследный принц поднялся и слегка задел Ин Фушэна рядом с собой. Увидев, что тот остался недвижим, он отвёл взгляд и сделал несколько шагов в центр зала. Все взгляды устремились на него, и он провозгласил:

— Драконы вздымаются над пустынными морями, тигры реют над покорёнными северными

равнинами. Дым и пыль рассеиваются, небесная мощь явилась — и четыре моря, восемь пустошей склоняют головы.

При этих словах все вокруг обернулись.

Наследному принцу было всего десять лет, но его учёная утончённость и блеск проявились в полной мере. Эти четыре строки не только восславляли драконью и тигриную воинскую мощь императора в походе, но и намекали, что Его Величество объединит мир и примет поклонение всех народов.

В центре зала Наследный принц стоял прямо и гордо, не сводя глаз с императора на высоком троне.

Чиновники перешёптывались, а с возвышения взгляд императора покоился на Наследном принце. После долгого молчания он слегка кивнул:

— Поэма моего сына дышит глубоким и возвышенным духом — это глубоко радует моё сердце.

Затем, сменив тон, император поднял свой золотой кубок:

— Но разве могло это вершиться лишь моими усилиями? Кони, что топчут пески, несутся к десяти тысячам ли; только объединённая решимость трёх армий и сановников двора и державы движет этим начинанием. Это вино я поднимаю за воинственных генералов и достойных министров, присутствующих здесь!

При этих словах чиновники на банкете всколыхнулись от чувств, поднимаясь один за другим с ответным тостом.

Благородная наложница Нин, наблюдая за одобрительными взглядами, которые сановники посылали Наследному принцу — особенно те несколько старших министров, обычно державшихся отчуждённо, — почувствовала, как прежнее напряжение слегка ослабло, и не удержалась от нескольких лишних взоров в его сторону. Она давно знала, что этот банкет соберёт членов императорского клана со всей державы, и втайне строила планы; инцидент в Павильоне Любования Луной был случайностью, и она радовалась, что её сын не пострадал.

Уверенность Наследного принца росла. Видя своего отца-императора столь довольным, он взмахнул рукой, приказывая еврехам принести его подарок.

— В день этого державного торжества, который также является днём рождения Вдовствующей императрицы, я подношу свой дар для бабушки.

Евнухи открыли два сундука. Один из них содержал аккуратно разложенные свитки картин и каллиграфии.

Ин Фушэн наблюдал за происходящим, глядя, как евнухи разворачивают свитки. Первым показали картину «Десять тысяч коней».

С возвышения Вдовствующая императрица подалась вперёд, словно желая рассмотреть поближе. Она любила зверей, особенно породистых лошадей — Ин Фушэн видел множество картин на лошадиную тематику во Дворце Цынин. Эта картина «Десять тысяч коней» дышала резкими, живыми мазками; свиток был старинным и принадлежал кисти мастера.

Сначала поэма как вступление, затем эта картина с лошадьми — такое подношение одновременно восхваляло поход императора и чествовало Вдовствующую императрицу. С картиной лошадей во главе дары были исключительно хорошо продуманы, превосходя подношения других принцев и завоёвывая благосклонность и государя, и Вдовствующей императрицы.

Император с возвышения кивнул, и окружающие сановники забормотали похвалы.

Вдовствующая императрица несколько раз одобрительно воскликнула, явно восхищённая даром.

Радость отразилась на лице Наследного принца, но он быстро подавил её.

— Бабушка, я рад, что вам понравилось. Принесите второй дар, — произнёс он.

При этих словах лицо императрицы Сюй слегка изменилось. Она проследила за его взглядом и увидела евнухов, несущих незнакомый сундук.

Она тихо спросила своих служителей:

— Что это?

Среди даров, которые она приготовила для Наследного принца, этого не было.

Евнух и впрямь доставил наследнику только картину с лошадьми. Прежде чем императрица Сюй успела разузнать больше, дар уже внесли.

Сундук оказался тяжёлым — понадобилось четыре евнуха, чтобы доставить его.

— Это Нефритовая статуя зверя, — произнёс Наследный принц, сопроводив слова едва заметным жестом.

Евнухи открыли сундук, явив статуи, вырезанные из драгоценного нефрита. Жизнеподобные

фигуры зверей, казалось, сливались с необработанным камнем; собравшиеся чиновники дружно ахнули. Заметив их реакцию, Наследный принц утаил удовольствие — эти статуи он собирал полгода, а затем ремесленники денно и ночно трудились, доводя резьбу до совершенства.

Лицо императрицы Сюй резко изменилось. Пальцы чуть согнулись, она инстинктивно посмотрела на императора.

Осанка императора осталась непоколебимой. Даже когда нефритовые статуи открыли, ни одна бровь не шевельнулась; его взгляд задержался лишь на миг и вновь обрёл спокойствие.

Пока прочие шептали похвалы нефритовым изваяниям, Ин Фушэн сидел неподвижно. Вино в его чаше слегка колыхалось; взгляд упал на военных чиновников, сидевших напротив. Воины выглядели куда внушительнее гражданских сановников; в тот миг, когда явили нефритовые статуи, несколько генералов со стола семьи Ци нахмурили брови.

Но Наследный принц этого не заметил. В конце концов, разве могли простые свитки сравниться с подарком на день рождения для Вдовствующей императрицы? Они были куда скромнее даров от сановников. Он принялся подробно рассказывать императору о нефритовых статуях, объясняя, как намеревался преподнести этот дар для ещё более грандиозного случая. Но в последние дни, ощутив безразличие императрицы Сюй и угасание теплоты Вдовствующей императрицы к нему во время утренних приветствий, он был вынужден выставить статуи, чтобы снискать благосклонность Вдовствующей императрицы и явить своё почтение отцу.

Он тщательно подбирал слова, намереваясь с помощью статуй превознести храбрость солдат и достижения императора. Но все его расчёты и удовольствие растаяли в тот миг, когда он встретился со спокойным, бесстрастным лицом государя.

Благородная наложница Нин сперва порадовалась продуманности Наследного принца — эти жизнеподобные нефритовые статуи казались великолепным даром. Но затем она услышала, как Вдовствующая императрица произнесла лишь:

— Наследный принц предусмотрителен.

Эта единственная, весомая фраза стёрла радость с лица благородной наложницы Нин и заставила умолкнуть сановников.

Многие пронизательные гости поняли: Вдовствующая императрица не была довольна этим последним даром.

Наследный принц застыл, мысли застелись. Дело ли в подарке? Нет — дар Восьмого принца был куда более показным, однако Вдовствующая императрица не ответила такой холодностью...

Он был ещё юн; прежние его дары всегда направлялись императрицей Сюй. Это был первый раз, когда он самостоятельно подготовил столь дорогой дар, желая затмить сановников и снискать благосклонность двоих на высоком троне. Но ощутив холодную реакцию императора и Вдовствующей императрицы, он впервые испытал панику.

В смятении его взгляд блуждал. Он увидел Первого принца, насмешливо улыбавшегося среди принцев, и прочих братьев, перешёптывающихся между собой. Паника обратилась в гнев. И гнев этот затвердел, когда его глаза упали на ещё одну фигуру среди принцев: Ин Фушэн сидел спокойно, еда нетронута, лицо безмятежно и отстранённо. Когда их взгляды встретились, это невозмутимое самообладание показалось Наследному принцу безмолвной провокацией, глубоко раздражающей.

Видя, что нефритовые статуи вот-вот уберут, Наследный принц внезапно произнёс:

— Я слышал, Шестой принц был болен многие дни и тоже приготовил подарок для бабушки.

При этих словах бесчисленные взгляды обратились к Ин Фушэну.

Благородная наложница Нин слегка удивилась, но вытолкнуть Ин Фушэна вперёд сейчас — это могло помочь Наследному принцу, став для него ступенькой.

С возвышения глаза императрицы Сюй дрогнули, но Наследный принц не уловил её тонкого знака. Вместо этого он отступил, вытягивая Ин Фушэна вперёд. Пальцы императрицы Сюй коснулись молитвенных чёток в рукаве; она посмотрела на Наследного принца и на Ин Фушэна, слегка нахмурилась и, когда служитель двинулся было действовать, взмахом руки остановила его, молча наблюдая за залом.

Поднесение даров принцами являлось кульминацией пира, и особенно — для Шестого принца.

Не было секретом, что Шестой принц уже некоторое время пребывал во Дворце Цынин. Нложницы гарема знали об этом, и слухи расползлись по всему двору.

Хотя Шестой принц находился там лишь ради поправки здоровья, сам нрав Вдовствующей императрицы делал это пребывание похожим на знак особой благосклонности. Банкет был предназначен для празднества; Шестой принц был юн, и ценность его дара являлась делом второстепенным. Но стоило этому связаться с его пребыванием во Дворце Цынин — и значение менялось.

Несколько принцев и принцесс смотрели с предвкушением, словно ожидая представления.

Один из ближних сановников замер. Если Вдовствующая императрица недовольна, преподносить дар в такой момент может быть рискованно...

Под тяжестью всех взглядов Ин Фушэн сначала прошептал несколько слов своему служителю, затем низко поклонился тем, кто сидел на возвышении. Он медленно прошёл и встал рядом с Наследным принцем — нефритовые статуи уже убрали, центр зала опустел. Стоя вместе, он поймал слабый лунный свет на нефритовой подвеске у пояса; его ясные глаза хранили спокойствие и чистоту.

К тому времени служитель уже принёс его дар. По сравнению с подношениями других знатных особ, сундук Шестого принца был прост и скромнен, и заметно меньше размером.

Ин Фушэн кивнул, служитель открыл сундук, явив несколько свитков. По залу пробежал шёпот. Во время пира многие преподносили знаменитые картины и свитки каллиграфии; сделать это сейчас обычно не привлекло бы внимания. Но после поздравительной поэмы и картины «Десять тысяч коней» как блестящих примеров, да ещё и следом за подношением Наследного принца, — ещё до того, как свитки были развёрнуты, все уже догадались, чем всё кончится.

В глазах Наследного принца мелькнула насмешка.

— Дар, который я приготовил, Ваше Величество, — это две картины, — произнёс Ин Фушэн, слегка взмахнув рукой. Служитель развернул одну из них.

Две картины. Учёные мужи сразу поняли: это не уединённые творения знаменитого мастера, отточенные годами, а нечто написанное недавно, будто только что завершённое.

Более того, мазки были незрелыми. Художник владел основой, но штрихам не хватало твёрдости — линии не были достаточно чёткими.

Композиция имелась, но картины оставались слишком грубы. Как можно преподнести такое императору и Вдовствующей императрице?!

Наследный принц сперва нахмурился, но затем, бросив косой взгляд, поразился: его отец-император пристально смотрел на картину.

— Принесите ближе, — раздался голос императора с возвышения.

За весь банкет это была первая картина, поднесённая прямо к государю.

Императрица Сюй замерла. Когда картину поднесли ближе, она увидела наверху лошадей и солдат, а внизу — вьющийся дым благовоний; при ближайшем рассмотрении казалось, что подношения простого народа возносят яростных коней и храбрых генералов. Это была благословляющая картина — и она перекликалась с её собственными мыслями. Последние месяцы она часто посещала храмы именно ради такого благословения; картина «Десять тысяч коней», которую она дала Наследному принцу, тоже месяцами пробыла в храме, прежде чем

стать даром на день рождения. Но Наследный принц так и не понял её замысла, а вот задумка Ин Фушэна оказалась близка к её собственной.

— Отец-император был в походе, бился на передовой, в то время как бабушка Вдовствующая императрица ни на миг не ослабляла в чтении сутр и молитвах, часто отправляя людей в храмы, чтобы благословить мир и воинскую удачу на фронте, — произнёс Ин Фушэн, почтительно опустив голову.

— Сыны Великой Юань сражались долго; простые люди столицы молили богов о защите — охранить здоровье солдат, а также почтить духов тех, кто пал на границе.

Когда император увидел картину, он приказал поднести её и к Вдовствующей императрице. С самого начала банкета он заметил этого юного мальчика. Если честно, он не мог ясно припомнить лица ребёнка среди множества принцев и принцесс, но теперь тот казался несколько иным.

— Пусть Вдовствующая императрица тоже взглянет.

Вдовствующая императрица уже благоволила к Ин Фушэну. Увидев картину, она вспомнила, как служители упоминали, что Маленький Шестой однажды просил кисти и тушь. На банкете было немало знаменитых шедевров, но смысл этой картины порадовал её особенно.

Отношение императора заставило Наследного принца окаменеть, а лицо благородной наложницы Нин стало откровенно кислым.

Многие взгляды обратились к благородной наложнице Нин. Она понятия не имела, что Ин Фушэн приготовил такое. Она приказала дать ему две случайные вещи в подарок, но то, что он представил сейчас, было ей совершенно неизвестно. Взгляды со всех сторон словно говорили, что она подготовила это для него. Ощущение, что она выставлена напоказ, было невыносимым; она улыбалась, но мысленно её платок был уже изорван в клочья.

Но дело на этом не кончилось. Пока толпа гудела от обсуждения, с возвышения раздался голос.

Услышав эти слова, Ин Фушэн явил на лице тень стыда и смущения.

Его колеблющееся поведение показалось императору весьма забавным — мальчик весь пир держался безупречно и наконец-то явил детскую сторону, — и государь заметил:

— В чём дело?

Тогда Ин Фушэн велел развернуть второй свиток. Едва тот открылся, мазки показались ещё более беспорядочными.

Сверху донизу штрихи менялись от незрелых до более-менее умелых, отчего замысел картины было трудно разобрать.

— Что это?

— нахмурился император.

Ин Фушэн пояснил:

— Это молитвенная картина, написанная пеплом благовоний.

— Ваш недостойный сын тугодумен. Я разыскал выдающихся монахов и попросил немного пепла благовоний, чтобы использовать как тушь... Что же до этих следов — их оставили паломники, приходившие в храмы для молитв в последнее время. В них хранятся молитвы простого народа.

— Тут он указал на несколько штрихов и продолжил: — Но ваш недостойный сын никогда не покидал дворец, так что исполнение может быть несколько небрежным. Эта картина хранит искренние сердца детей и кропотливую заботу учёных... Пусть мастерство грубо, но она передаёт чувства народа к пограничным солдатам и императорской семье — потому я и преподношу её как поздравительный дар.

Сановники мгновенно поняли, что перед ними: молитвенная картина от ста семей.

Война затянулась, и даже с победным возвращением Его Величества династии Великая Юань требовалось время на восстановление. По тому, как император награждал военных и поднимал тосты на пиру, было ясно: он желал умиротворить генералов и ключевых сановников. Неудивительно, что в таких обстоятельствах дар Наследного принца — Нефритовая статуя зверя — был встречен холодным равнодушием Вдовствующей императрицы. Статуя, созданная такими усилиями и расходами, в спешке, днём и ночью, не могла не вызвать глухого недовольства у военных, сражавшихся на передовой с ограниченными припасами.

Дар же Шестого принца, хоть и требовал не меньших трудов, включал отправку людей в храмы для молитв, раздачу милостыни и накопление благословений — и всё от имени Вдовствующей императрицы, чтобы умиротворить генералов, успокоить народ от лица императорской семьи и возвеличить достижения государя.

По сути — тройная победа. Две простые молитвенные картины, с незрелыми мазками, но созданные с сердечным намерением, — это были превосходные дары.

В пиршественном зале повисла тишина, но вдруг с возвышения раздался сердечный смех.

Взгляд императора покоился на Ин Фушэне, и он не проронил ни слова, но всё его поведение

выдавало глубочайшее удовольствие.

— Молитвенная картина от ста семей — это дар поистине бесценный.

Для вас старался Команда Webnovels ☐

<http://bllate.org/book/20149/1994158>